

Requiem for the sick mind

Реквием по больному разуму

1-го июля

2020-го года

L. Sheigets

18+

Эл Шейгец

Реквием по больному разуму

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56566361

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-05097-6

Аннотация

Вы фанат "Бойцовского клуба" Паланика? Тогда эта книга – точно для Вас! Темный и психологический роман Эла Шейгеца выстроен вокруг героя, страдающего дистимией. На протяжении повествования Александр Детройт всё меньше отдаёт себе отчет в своих действиях и всё больше превращается в сумасшедшего. Знакомство и общение со странной девушкой, представившейся как Алёна Пажощце, остаётся его последним оплотом. Эл Шейгец воплотил в этой книге волю к жизни и знаниям, пустоту отчаяния, желание и неспособность изменить неизбежное, боль и радость, счастье и беспросветную тьму. Это – очень глубокий и проникновенный роман.

Эл Шейгец

Реквием по больному разуму

Часть 1 «Обманутый»

«Я мечтал о тебе, я желал твоего существования...»

Адриано Челентано

«Я не уверена в том, что меня за это не посадят»

А. Пажощце

"1"

Холодная, неприятная и давно уже чужая рука обнимает меня сквозь сон. Я знаю обо всех её изменах, но даже и не думаю их разоблачать. Потому что мне уже наплевать. Мария. Эта женщина была первой в моей жизни, она же стала той, кто её оборвал... Она была когда-то красивой и яркой, загадочной и неповторимой, однако по истечении десяти лет брака, уничтоживших нас, она пала ниже, чем может пасть женщина. Эта несостоявшаяся Дева Мария, неблагочестивая Мария Магдалина, падкая до чужой плоти.

Третий год я мучился депрессией, и теперь могу сказать со страшной обычному человеку уверенностью – я мёртв. Позвольте представиться – Александр Детройт. Моё имя русское, фамилия досталась от американца-отца. Я его не знал,

но это даже к лучшему, потому что неизвестно, как бы он выжил здесь – на огромном куске Земли под названием Россия.

Высвободившись из тяжёлых объятий, я встал, оделся и вышел из комнаты, небрежно прикрыв дверь, зная, что жёну мою после очередных ночных приключений шум не разбудит. А если и разбудит, то, увидев пустое место рядом с собой, она только обрадуется. Нас ничто не связывало. Нет, нет, ничто. Было мерзко сознавать, что когда-то давно я позволил себе влюбиться.

Не было и нет больше мест, которых я не видел бы в своём маленьком городе, но теперь, когда жизнь моя была на грани, я просто шёл в ночь, невзирая ни на страшную душевную грусть и обиду, ни на то, что завтра придётся идти на работу к начальнику, которого я ненавидел, ни на то, что часовая стрелка замерла на тройке. Район, в котором я, так сказать, "обитал", был далеко не самым худшим, но, прямо скажем, хреновым. Что вы думаете в первую очередь, когда, просыпаясь утром невообразимо для вас рано, плететесь из дому, потому что мир без вас не справится? Верно. Все раздражает. Хочется утонуть в сладких объятиях одеяла и не двигаться... И успокоить собственную душу, что уже ничего не просит. Моя жизнь была наглядным пособием по инфантильности, банальности и невезению. Я был слишком сложен и оттого чрезвычайно прост. Я ничем не отличался от миллионов других, и, наверное, так бы и умер под покровом своей

собственной ночи, но... Но в этот день изменилось все.

Не знаю, что движет нами, когда мы в отчаянии. Возможно, инстинкты. Да, как правило, в таком состоянии люди и следуют самым низким и пошлым инстинктам, потом жалеют, но уже поздно. Какой инстинкт двигал мною в ту ночь? Не знаю. Я пришёл в ночной клуб, чтобы напиться, да, цель моя была проста. Я забываюсь, когда много пью. Обычно люди в этом случае становятся агрессивными или перестают вообще что-либо осознавать, на меня же алкоголь действовал тонизирующе. Все проблемы уходили, течение мыслей становилось плавным и ленивым, я мог расслабиться, стать спокойным, поговорить о насущных вещах, чего там – думаю, при правильном потреблении выпивки она бы даже повышала мою работоспособность. Но не время рассказывать о том, что творило со мной то адское холодное зелье, ведь... Когда я зашёл туда, то мысленно (а, может быть, даже и вслух) выругался, поскольку свободных столиков просто не оказалось, несмотря на очень поздний час. Хотя три часа ночи для клуба – это рано. Самая грандиозная вакханалия распространённых смертных грехов человеческих начинается здесь именно в это время, а заканчивается рано утром, после чего её участники на время забывают друг о друге, вновь превращаясь в офисных клерков, в официанток, в механиков и работников банков, притворяясь теми, кем их хотели бы видеть родители. Но нет. Вот они – настоящие. Здесь и сейчас, как ни прискорбно. Я не имею права их отчитывать... Ведь

я тоже сюда пришёл.

Никогда не любил пить в компании. Но делать было нечего – стоило выбрать своего собеседника. Мое сознание мгновенно отобрало для меня трёх кандидатов – знойную блондинку у края стойки, угрюмого старика совсем рядом, и молодого парня, который разговаривал по телефону, очевидно, убеждая свою подругу, что он давно спит. Хах. Ну что же, первые два варианта отпадают – я не в настроении становиться слушателем или любовником, мне нужен просто сосед. И я направился к третьему человеку. Он явно был моложе меня и выглядел свежо, словно недавно пришёл в этот мир. Этому было объяснение – как только я его в первый раз увидел, то понял, что у этого человека стойкий и необычный характер.

Он был в тёмных очках. Какому нормальному человеку в три часа ночи, в помещении светит солнце? Короткая и модная стрижка, эффектно уложенная, явно недешевая одежда, уверенные движения. Да, с этим было бы не скучно провести остаток ночи. Подсев к нему, я не сразу начал разговор. И это было ни к чему – он сам начал:

– Удивительная ночь, не правда ли, коллега?

Я был удивлён. И почти сразу ответил:

– Ты это брось. Я не твой босс, и не коллега. А ночь отвратная.

Незнакомец снял свои очки, аккуратно сложил, и, положив их на стол, продолжал:

– О, как же мне нравится этот подход. Ладно, урок усвоен. Почему ты находишь ночь отвратной? Я люблю ночь, здесь есть... На что посмотреть, – двусмысленно ухмыльнулся он, поглядывая на каких-то женщин у стойки.

Когда вы разговариваете с малознакомым человеком, вам всегда важно занять чем-то руки, просто чтобы выглядеть естественнее. Вот и я стал двигать пепельницу.

– Знаешь, давно я на это не заглядываюсь, – сказал я.

– Что же мешает?

– Ничего. Совсем...

– О... Ясно. Тогда закажем виски. И виски. И много-много виски. Это позволит...

– Подожди, – настороженно оборвал его я. – Я тебя совсем не знаю, и...

– Дмитрий. Димон, если хочешь.

А потом я очнулся... Я открыл глаза в своём доме, разгромленном, выглядящем так, словно те демоны, что пожирали моё подсознание, наконец вырвались на свободу. О, милый друг, ты не представляешь, как многого я смог бы избежать, если бы тогда знал правду. Но я забегаю вперёд – нет, нет, нет, так нельзя.

Однако это утро стало для меня приятным. Я ощутил это ещё до того, как открыл глаза. Первое чувство... Ломай каноны. Не было первого чувства. Его не было.

Наконец-то...

Не было депрессии. Завеса, убивавшая меня так долго, рухнула.

Но почему?

Почти сразу же после того, как я встал, я начал припоминать события этой ночи и вот что я вспомнил:

"Похоже, что виски был на удивление высокого качества, потому что я никогда не пребывал в такой эйфории. Я сам себе противоречу, но что делать, ведь так устроен мир. Я даже был не спокоен. Я был счастлив. Несколько рюмок спустя разговор принял совершенно псевдологическое течение. Это было нечто среднее между религиозным диспутом и выпуском криминальных новостей. Офигенно.

– Человек создан, чтобы созидать и разрушать, так почему наше общество мешает ему... этим заниматься? – уже с трудом говорил Димон.

– Ты прав... Ты, как всегда, прав... Надо ещё выпить... – ответил я.

– Я ведь вижу потенциал. Ты мог бы... Пр-пригодиться. Вот тебе моя карточка... Позвони...

– Ага. За созидание!

– За него".

Разумеется, после такой знатной пьянки я не мог восстановить все события, но был один момент, на который я сразу обратил внимание – записка жены. Грязный клочок бумаги, исписанный ручкой. Содержание его было слишком простым, не стоит его здесь приводить, а суть была в том,

что, Маша уходит от меня, потому что я стал "невменяемым и слишком ревнивым". Забавно, ведь, оказывается, у этой женщины все-таки было какое-то подобие такта – она не сказала ни слова о том, что я вернулся пьяным. Знала, что и сама идеальной никогда не была. Мысленно послав жену ко всем чертям, я ощутил настоящее удовлетворение.

Нет депрессии.

Свобода.

У меня даже не болела голова, как ни странно. Весь мир пестрел красками, мне хотелось дышать. Я посмотрел на часы и с удивлением отметил, что сейчас всего лишь 7 утра. На работу мне надо было к десяти, но тогда я почему-то даже и не подумал об этом. Я вспомнил о Димоне. Карточка. Карточка! О, неужели это будет нечто новое? Я стал рыться в карманах, надеясь, что найду... Как же мне хотелось почувствовать, что это не сон и не жалкая игра моего больного воображения... И поиски мои быстро увенчались успехом. На серой пластинке было чётко выведено: «Зимаков Дмитрий Андреевич». Ни должности, ни каких-либо других сведений, кроме контактного телефона, больше не было. Пожав плечами, я взялся за свой Xiaomi, и начал набирать номер, даже и не подумав о том, что час ранний, и человек, возможно, ещё спит. В голове стучала лишь одна фраза: сегодня, 18-го июня 2017-го года я вернулся к жизни.

– Алло, – на удивление быстро и бодро сказал знакомый голос.

– Доброе утро. Я Саша.

– Саша? Какой Саша?

– Александр. Мы познакомились в ночном клубе вчера...

Вернее, сегодня.

– Что... А-а, точно-точно. Привет, – ответил он.

– Привет. Ты вроде говорил со мной о работе, и... – начал я.

– Не сегодня, мой друг, не сегодня, слишком занят. Завтра вечером – у гаражей.

– Гаражей? Что мы будем...

– Ты все узнаешь, о 'кей? Просто приходи, – оборвал Дмитрий меня ещё раз.

Вызов был завершён. "Странно... – подумал я, – это странно, но к странностям я был готов".

«2»

Я должен был собираться в офис. Мне нужны были душ, завтрак, костюм. Но... собираться я не хотел. Да, за прогулы строго наказывали, но неужели вы все – всего лишь рабы своего дела? Я никогда не прогуливал. И именно это обстоятельство ещё больше толкало меня нарушить устоявшуюся привычку – я хотел ощутить, каково это – быть нарушителем. Каково это – проснуться рано утром, понять, что не хочешь идти на работу, и – не пойти? Я вот не знаю. Хочу узнать.

Я мылся не спеша. Сегодня мне некуда было спешить. Я чувствовал, как горячая вода смывает с меня остатки мо-

ей нерешительности, моей инфантильности. Хотелось быть нужным миру. Когда я закончил, я надел простую одежду и вышел из дому. Похмелья не было. И у Дмитрия, судя по его голосу, тоже. Как в 18 лет. Мне снова 18. Я пришёл в кафе. Это было особое кафе – моё любимое. Оно открывалось очень рано, но в это время там почти никого не было. Когда я зашёл, там было всего четыре человека – двое молодых мужчин за одним столом, с большим рвением уминавших свой завтрак, ещё один, постарше, сидел в одиночестве и что-то читал. И была одна девушка, смотревшая телевизор. По нему показывали боксёрский поединок, очевидно, ещё вчерашний. Кто дрался? Ну... А, к черту, зачем гадать, ведь я совершенно в этом не разбираюсь. Один из боксёров сделал апперкот и нокаутировал своего соперника.

– Да, – торжествующе прошептала девушка.

Я подмигнул и ответил ей:

– Отличный удар!

Она слегка улыбнулась и сказала:

– У него не бывает плохих.

Немного погодя она снова на меня посмотрела, подняла вверх два пальца и представилась:

– Алена Пажощце.

Я оглядел её. Невысокий рост, очки, прямые чёрные волосы до плеч, чёрные брови и ногти того же цвета. Над правой ключицей татуировка с сердцем, а в языке пирсинг. Кожаная куртка, джинсы, кеды, рюкзак. На вид около двадцати

лет. Да, безусловно, у неё было другое имя.

Забегая вперед, немного об Алене:

Девушка неформального образа жизни. Вкусы: мрачная литература, бургеры, бокс. Она испытывала рвотные позывы от аниме и просто на дух не переносила розовый цвет. Развлекалась же в основном тем, что стебалась над человеческим идиотизмом, а также примерно раз в неделю посещала врачей, сводя их с ума своими выходками. Они перекидывались ею, как футбольным мячом, но вот незадача – Алене было совершенно все равно, кому выносить мозг. Впервые принимая её, новая женщина-терапевт задала ей вопрос:

– Что у вас болит?

Алена же, глубоко вздохнув, и проведя ногтями по груди, томно и с фальшивой болью отвечала:

– Душа...

Когда невропатолог расспрашивал Пажощце о природе её заболевания, она качала головой, и отвечала, вводя врача в ступор:

– Все мы больны. Я прямо чувствую, как умираю. Как умираете Вы. Вы умираете, доктор.

А случайно поймав в коридоре хирурга, она говорила:

– Неужели же Вы, человек такой важной профессии, не можете набраться смелости предложить даме руку и сердце? У вас же навалом этого добра, доктор, так почему же?

Хирург шарахался в сторону, а Алена удалялась с хохотом в следующий кабинет.

И наконец, кабинет психотерапии – самое любимое. Все потому, что она сама превращалась в психотерапевта:

– Вы даже не представляете, душечка, как я устал от всего этого, от никчемной, лишённой всякого смысла жизни! – пламенно декламировал врач, – о, ведь Уильям Шекспир давно нам сказал: "Я клялся – ты прекрасна и чиста, а ты как ночь, как ад, как чернота..." – врач говорил последние слова со слезным надрывом, а потом и вовсе начинал рыдать, слушая советы, которые давала ему Алена.

Да, такой она была. Но тогда я этого ещё не знал.

Мы вместе вышли на улицу. Там мы разговорились, бредя в одном направлении:

– Ходила на интервью в магазин бытовой техники, – рассказывала девушка, – пьяный мужик у входа с огромным фингалом под глазом попросил 50 рублей на воду, ну, а так как я люблю офигенные диалоги с такими индивидами – дала ему 10 рублей ради того, чтобы послушать, сколько на самом деле зарабатывают продавцы-консультанты в том месте и как там всех обставляют. Я думаю, чувак шарит. Не зря же он бомж.

Думаю, ещё вчера я бы и не приблизился к ней, а сейчас я слушал, не отрываясь. И все в этой девушке было неформальным, загадочным. Было что-то такое, что вызывало неподдельный интерес. Думал ли я тогда, что знакомство ней повлечет за собой такие последствия? Нет. Однако в ту секунду я забыл о ней, поскольку увидел мужчину, прибли-

жавшегося ко мне. Он смотрел недружелюбно, а когда подошёл, будто бы случайно задел меня плечом. Я обернулся и понял, что за мной стоят ещё два человека и передо мной – тоже.

Они остановились. Я остановился. Я попытался рассмотреть их детально – старая привычка. Они выглядели так, будто собирались идти на митинг и излучали агрессию, словом – в моей крови стал автоматически выделяться адреналин...

– Бродить в одиночку здесь не принято, кореш, – ухмыльнулся один из них, – это наш переулок.

В одиночку? Алена исчезла, верно... Я даже этого не заметил.

Они начали разминать мышцы. Драка. Я не умею драться. Я ведь только что смотрел бой? Нет, это не поможет.

Решив, что не могу стоять просто так, я все-таки резко двинулся вперёд, вознося руку для того мощного телевизионного удара, но мой маневр был раскрыт: цель моего нападения отстранилась, а затем перехватила мою руку и повалила меня на землю. Я захотел встать, но получил сильный удар ногой в живот. Боль, пронзившая мой желудок, была невыносимой. Остальные обступили меня и стали бить, пока я не потерял сознание.

Я никогда не любил ждать. Ожидание – самое ужасное, что происходит в нашей жизни. Строго говоря, кроме него в этой жизни очень часто ничего и не происходит. Именно поэтому некоторое время, проведенное в бессознательном со-

стоянии, сократило время ожидания встречи с Димоном. Ну и слава Богу или что там живёт в облаках... Когда я, наконец, очнулся, я посмотрел на часы и увидел: 9:43. На работу, что ли, пойти?

– То есть Вы хотите сказать мне, Александр, что просто проспали? Уже полдвенадцатого! – причитала Зоя Феликсовна, – да знали бы вы, как много...

Не слушал я эту старую ведьму. После этой фразы она всегда начинает гнать восхитительный бред. Вроде бы она была не самым большим человеком в этом месте, но негласно сама поставила себя на место надзирателя и командира. Её никто не воспринимал всерьёз, но отвратительное брюзжание над самым ухом давно начало нам надоедать.

Я выглядел плохо, у меня должен был быть фингал. И чувствовал я себя неважно. Столь радостное утро обернулось болью, но ведь боль скоро должна была исчезнуть, и все встало бы на свои места. Но это место претило мне – оно было ужасно.

– ... и теперь, можно сказать, Вы доигрались. Альберт Викторович зовёт Вас на ковёр. Удачи, – злостно прошипела Зоя Феликсовна. Она вовсе не хотела, чтобы на моей стороне была удача.

Я вздрогнул. Альберт Викторович был своего рода американским флагом на лунной поверхности – о нем все знали, но никогда его не видели. Мы все приучены бояться неиз-

вестного, а если ещё и сопоставить это с тем, что он был моим боссом, то ноги мои начинали невольно подкашиваться. Я всегда был примерным клерком, никогда не нарушал правил, однако детский страх разговора с директором прочно засел в моём подсознании. До кабинета оставалась пара десятков шагов, а я так и не придумал стоящего оправдания. Не умею я оправдываться, не моё это. Мой внутренний демон бьётся в конвульсиях, когда это видит.

Я постучался, вошёл. Увидел сидящего за столом массивного мужчину средних лет и подошёл поближе. Совет: стоит молчать, если вы напуганы. Голос вас выдаст. Совет, которому я не последовал.

– Вы хотели меня видеть? – спросил я, мысленно сжавшись от страха.

По сути своей, все мы всё же животные.

Альберт Викторович отложил ручку, окинул меня изучающим взглядом, в котором читался ярко выраженный скепсис, а затем ответил мне. Голос его был с хрипотцой:

– Хотел. Садитесь.

Я сел, а начальник мой, видимо, решив побить мировой рекорд по высокомерию верховного руководства, продолжил буравить меня взглядом. Лишь спустя примерно минуту он, наконец, заговорил:

– Обычно за опоздание положен штраф. А за несколько опозданий доходит и до увольнения, однако сегодня я все же почему-то хочу спросить: в чем дело? Почему Вы не пришли

вовремя?

Я нехотя ответил:

– Но ведь это и не имеет для Вас большого значения?

– Абсолютно не имеет.

– Тогда я скажу, что просто так вышло... Но почему... Я ведь никогда не опаздывал, -как-то кособоко оправдывался я.

– И почему же все-таки, Детрейт?

Проклятье, да чего ты ко мне привязался? И какой я, к черту, Детрейт? Когда уже люди научатся выговаривать мою фамилию?... Однако отвечать все-таки было нужно. Совершенно не подумав и поддавшись мгновенному желанию, я сказал, криво улыбнувшись:

– От меня ушла жена!

Да-а, эффект был ещё тот. Нет, ну, а что? Я не соврал, не так ли?

Дальнейший диалог с моим начальником сводился всего лишь к его жалкому бляению и к моему показному вниманию, так что не стоит его приводить. Я даже и предположить не мог, что он такой сентиментальный, и моя история о жене повергнет его в такой шок. Я кивал головой ровно до того момента, когда он сочувственно сказал мне, что в моей ситуации не помешает и отдохнуть и предложил мне двухнедельный отпуск.

Знаете это чувство, когда вам дают конфетку, но воспитание не позволяет взять её сразу, поэтому вы какое-то время

делаєте вид, что конфетка вам, в общем-то, и не нужна, хотя на самом деле слюна продолжает выделяться?

С этим главное – не переборщить. Вдруг поверят.

Под уничижающим взглядом Зои Феликсовны я собирал свои вещи, а уже вечером я шёл к гаражам, навстречу своей судьбе.

«3»

Проходя мимо разных людей, я наблюдал за ними, пытаюсь разгадать каждого из них. Плохо у меня это, конечно, получалось, но я старался. К примеру, видел я девочку лет девяти, идущую за своим отцом, просившую у него разрешения на что-то.

– Да делай, что хочешь... – устало отвечал мужчина, ускоряя шаг.

"Это любовь или её полнейшее отсутствие?"

Вечерело. Я всегда любил наблюдать, как ночь пожирает день. Ночь куда более могущественна, на мой взгляд. Если бы кто-то сказал мне, что нелегко созидать и нести миру свет, я бы возразил, что нужно обладать поистине великим талантом, чтобы так восхитительно красиво смещать свет, и возводить на престол тьму. Тьма всегда побеждает.

"Это любовь".

Многие люди даже и не живут по-настоящему. Особенно это заметно у женщин.

"Нет".

Многие из них и впрямь не живут на самом деле, а лишь

постоянно пребывают в ярко выраженном желании не отбросить поскорее каблуки. Вы видели их – продающих картофель, занимающих в поликлинике очередь в пять утра... Сколько им? Пятьдесят? В пятьдесят можно выглядеть сногшибательно. К сожалению, иногда психологическая старость наступает гораздо раньше физической, и тогда мы видим безжизненные улыбки и тусклые глаза.

Ну, да ладно, это философствование. Вернувшись к своим насущным заботам, я не мог тогда предположить, что именно мне предложат делать, но регулярно ловил себя на мысли, что это, в сущности, и неважно, поскольку у меня просто появились время и шанс что-то изменить, что-то исправить, переделать по-своему. Не так, как мне это диктовало прежнее окружение. Где они теперь? Мне безразлично.

Отвлекаясь на свои мысли, я и не заметил, как снова прошел последние пару десятков метров. Я слишком часто забываюсь. Но я с этим ничего не могу сделать... Я был почти у цели.

Когда я сворачивал, чтобы оказаться на месте встречи, я увидел молодого парня. Я узнал его. Это был Витька – семнадцатилетний студент. Полгода назад у него диагностировали саркому – рак кости. Симптомы развивались быстро, и паренек был обречен скоро уйти из жизни, а жаль – мне всегда было приятно с ним проводить время. Но он не унывал. Только со слов его матери мы знали, как ему плохо, больно и страшно, а на людях он всегда улыбался, не пока-

зывая своих страданий.

И лишь недавно я наконец понял причину этого его поведения – он не хотел, чтобы о нем осталась печальная, дурная память.

Покачав головой, я отвернулся. И... просто пошёл дальше.

Громкий возглас привлек мое внимание:

– Эй, я давно тебя жду!

Клянусь, я никогда бы не подумал, что этот человек может выглядеть настолько по-другому. В клубе он производил впечатление заправского пижона, сейчас он был больше похож на разнорабочего. На нем была простая тёмно-зелёная майка, чёрные рабочие шорты и какая-то кепка, которую я позже очень часто видел, но никогда не мог запомнить, как она выглядела, так что пускай она будет... белой.

Вот он точно умел веселиться. Это было его нормальное состояние.

– Я давно тебя жду, но и не сомневался, что наконец увижу тебя! Идём.

– Куда? – спросил я.

Поманив меня рукой, он отодвинул какие-то ящики в своём гараже (кстати, машины там не было), за которыми оказалась дверь.

– Идём, идём. Come forward, if you dare!

Мы вошли. Я оказался в небольшом помещении с единственной лампой. Там было очень много ящиков, а в сере-

дине стоял деревянный стол с двумя старыми стульями.

– Садись.

Мы сели.

Дмитрий достал из кармана четыре маленьких тонких продолговатых пакетика белого цвета, похожие на пакетики с сахаром или с солью в фастфуде.

– Что ты здесь видишь?

Похоже на допрос.

– Это сахар? – предположил я.

Мой собеседник вскочил и стал бродить по маленькой комнате. Он говорил, жестикулировал, и, в целом, двигался очень быстро. Возбужденно.

– Для чего человечество его добывает? Зачем он людям, как думаешь?

– Создавать ощущение того, что все не так уж и плохо, – ухмыльнулся я, – делать мир слаще.

– Верно. Скажи мне, по-твоему, кто я? – спросил он совершенно серьезно.

Я не ответил. Просто не знал, что ему ответить, потому что его вопросы звучали странно и сбивали с толку.

– Я собираюсь посвятить тебя в то, чего пока ещё не знают другие люди. Ты готов?

Что-то екнуло внутри меня, не знаю отчего. Меня разби- рало любопытство. И оно победило:

– Слушаю.

Димон вновь заговорщически улыбнулся, встал и снова

указал мне на сахар:

– Попробуй.

Я очень удивился:

– По-твоему, я никогда не пробовал сахар?

– Попробуй! – настаивал он.

Я пожал плечами, взял один пакетик, открыл его, аккуратно поднес ко рту, и высыпал часть его содержимого себе на язык.

И вот тут... Начинается моя новая жизнь

Сказать, что я был ошеломлен – значит ничего не сказать.

Сахар... Он был сладким, конечно, но... Ощущение было таким, словно он попал не на мой язык, а прямо ко мне в мозг. В его часть, ответственную за восприятие вкуса. Я чувствовал себя великолепно. При помощи...

– Это что вообще такое? – спросил я, уже немного привыкнув к новому ощущению.

– Это сахар, – улыбнулся тот.

– Это ни черта не похоже на сахар! Это божественно! – закричал я.

– Это сахар, я говорю тебе, – с улыбкой заверил меня Дима, – только вот...

– Только что? Что это было?

– Это генная модификация. В совершенно обыкновенный продукт добавлена новая секретная формула, позволяющая ему попадать туда, где его больше всего ожидают.

– В мозг?

– В мозг.

Я был в восторге. Я уже ничего не хотел. Все, чего я хотел – это жить. Эта хрень дала мне возможность дышать полной грудью.

Димон смотрел на меня выжидательно, терпеливо. Он ждал вопросов. И я продолжил:

– И в чем же тогда заключается моя работа?

– Ну, вот это уже деловой разговор. Видишь ли, человек по сути своей несчастен. А это, – указал он на сахар. – благо. Благо, которое мы ему можем предоставить, чтобы помочь легче переносить душевные страдания. Я вложил в это дело, и, надо сказать, неплохо вложил. Существует уже целая группа людей, готовых помочь мне. Ещё немного и количество этого продукта станет достаточным, чтобы сделать больше людей счастливыми. Наша часть работы – это реклама, пиар, и, разумеется, поставка. Нас не очень много, Сань. Какое-то время придётся поработать и грузчиком, может быть. Но сам ты уже ощутил – оно того стоит.

Я не увидел тогда в его словах подвоха. Глупец. Нельзя было осчастливить всех людей на Земле, но я слишком поздно понял это, и дал своё согласие.

– И сколько... – начал я.

– Я знал, что тебе будет мало самого ощущения, – рассмеялся он, – будь уверен, ещё немного, и ты будешь получать круглую сумму...

Когда я ушёл оттуда, была уже половина одиннадцатого.

Как быстро пролетело это время.

Не знал я, чем себя занять... Знаете это чувство, когда в жизни внезапно все налаживается, но вы не можете в полной мере этого осознать, и в итоге начинаете делать глупости? Мне хотелось рассказать всем о том, что я сегодня почувствовал и одновременно хотелось сдержать это в тайне. Поэтому я решил пойти в какое-нибудь пивное заведение и провести там вечер, ни с кем не разговаривая. Я дал себе слово, что не буду ни с кем говорить, для моей тайны это было бы слишком опасно. И там мне суждено было вмиг отказаться от своей клятвы, ведь я увидел там его. Виктор, поникший, сидел за столом, в его руках был стакан.

Я незаметно присел, кашлянул, и он поднял голову, как-то странно вздрогнув и отодвинув от себя жидкость.

– Я, если честно, никогда не пил... – неуверенно сказал мне он, – года три назад я случайно попал в компанию студентов, пьяных настолько, что они едва держались на ногах. Мне показалось это омерзительным, и я был уверен, что никогда не притронусь к алкоголю. И тут, когда моя жизнь уже почти окончена, я могу...

Мне стало больно. Повторюсь: раньше он никогда не показывал своего горя.

– Не говори так, быть может, операция...

Он оборвал меня жестом.

– Дядь Саш... Не поможет мне никакая операция. Поздно уже, и вы знаете это. Хватит, – хрипло прошептал он.

Мы помолчали. Он покосился на часы, и на мгновение я заметил в его синих глазах ужас. Я уже знал, что для умирающего человека самое страшное – это смотреть, как идут часы. Как уходит его время.

– А я хотел... доктором быть... – прошептал Виктор.

– Это прекрасная профессия, – сказал я.

Мне стало очень стыдно. Стыдно за то, что он умирает, а я остаюсь. За то, что я – такой примитивный, живу без болезней уже четвёртый десяток лет, а он – такой молодой и амбициозный, должен умереть в палате, среди хрипов и стонов, на руках у своей рыдающей матери. Стыдно за то, что я никак не могу ему помочь. Обычно, когда люди переживают финальную стадию фатальной болезни, им начинают внушать, что смерть, в общем-то, не страшна. Я ничем не болел и потому, наверное, не могу судить об этом, но мне кажется, что умирать всё-таки страшно, что бы там ни говорили. Даже прожив замечательную, полную впечатлений жизнь, все равно страшно.

Я посмотрел на Витины руки и вновь почувствовал себя беспомощным – они были тонкие, как палки. Я видел его красивые бицепсы года два назад. Рак сожрал все. Его лицо было бледным, щеки – впалыми, глаза – тусклыми. Жизнь уже почти покинула его. Он пока ходил, но мы знали, что это ненадолго. Алкоголь, ну конечно. Если он будет пить, он умрёт ещё быстрее. А может, так даже лучше? Для него. Часто ведь безнадежно больным дают наркотики в последние

минуты жизни, просто чтобы они не мучились. Нет, нет, я не мог так с ним поступить. Я не мог так поступить... Не мог!

– Я не хочу просто так уйти. Может, есть что-то, что правда сделает меня нужным? – спросил он.

Я ему сказать должен был правду:

– Нет.

Ни один мускул не дрогнул на его лице. Или я просто не заметил. Я поднялся и вышел на улицу. Я пребывал в обратном расположении духа. Что-то грызло меня изнутри. Вокруг никого не было... Вдруг мне стало плохо. Пока меня рвало, я не мог ни о чем думать... Я не запомнил, как добрался до дома.

«4»

– Бери эти ящики, – указал мне Димон.

Я был послушным роботом, марионеткой в руках волшебника, которого я боготворил. Первый день мы занимались загрузкой фургона. Оказалось, что сахара было произведено уже очень много, и пока мой новый босс занимался маркетингом и рекламой, я сам помогал ему с организационными вопросами.

– Эй, – крикнул я, вытирая пот со лба, – я не думал, что это может затягивать. Ненавидел нагрузки в школе.

– Стой, я сейчас вернусь, – сказал Димон.

Я поставил ящик с сахаром и оперся о стену. Зазвонил телефон. Номер был незнакомым.

– Я подавилась обезболивающим и чуть не умерла... –

резко выдохнул молодой женский голос на том конце, – похоже, что даже лекарство хочет моей смерти.

Голос показался мне странно знакомым. И тут меня неожиданно осенило:

– Алена?

– О, моё имя уже тебе знакомо... я чувствую себя актрисой... – печально ответила она.

– Откуда ты узнала этот номер? – спросил я с улыбкой.

Было слышно, как Пажощце слегка вздохнула, прежде чем ответить:

– А, может быть, у меня с тобой телепатическая связь?..

«Когда часы пробили семь...»

Я решил так: раз я не могу найти более достойное занятие, кроме как разгружать сахар, то стоит разнообразить свою собственную жизнь. С чего бы начать? Для начала стоит проверить таланты. Я не знаю, есть ли у меня талант. Мои родители всегда пытались оградить меня от всего опасного и необычного, вот и пресекли мои первые порывы к искусству. С чего бы мне начать? Ну, определенно не пение:

– Что вы собираетесь спеть? – спросила девушка в караоке.

– «Lonely day», System of a down, – сказал я.

По ее взгляду я понял, что ничего, кроме русского рэпа, не занимало ее маленький мозг. Я пожал плечами. Рэп – не моя стихия.

«Когда часы пробили семь, я решил...»

А может, я художник? Мне даже не жалко было тратить деньги на то, чтобы выяснить это. Благо, денег, которые я хранил дома, хватило бы на все – мольберт, кисть, краски...

И первым моим художественным творением стал пейзаж моего нелюбимого города. Ну, если под словом «пейзаж» можно понять несколько грубо и неумело нанесенных толстых полос бледных и дешевых красок, с редкими палками, обозначающими дома. Я забросил и это. Возможно, какие-то уроки мастерства и сгладили бы сей результат, но у меня больше не было желания пробовать. Очевидно, я не Пикассо.

«Когда часы пробили семь, я решил, наконец, встать, и...»

И заняться тотализатором. Талант удачливого игрока – тоже талант. Скакуны бегут, цены – тоже. Люди выигрывают деньги, затем еще, проигрывают, играют снова, раздражаются, начинают драться, и другие люди выставляют их за дверь, после чего действие продолжается, и лошади теряют свою репутацию, а может – наоборот. Денег становится меньше... Талант удачливого игрока – тоже талант. Но, увы, не мой. В игре мне также не повезло.

«Когда часы пробили семь, я решил, наконец, встать, и поговорить с ней. Я думал...»

Оставалось только одно – литература. Уединившись в комнате, я решил написать рассказ о человеке, внезапно осознавшим, что его семейная жизнь ушла на дно. Процесс шел

очень медленно.

«Когда часы пробили семь, я решил, наконец, встать и поговорить с ней. Я думал, что разговорами смогу изменить что-то, но своим взглядом она только лишала меня уверенности. Когда она смотрела на меня, я не мог говорить...»

Стоп. Вдохновения нет. Пойду выпью пива.

В баре было не слишком людно. Я услышал возмущенный возглас девушки, стоявшей неподалеку. Какой-то парень активно приставал к ней. Он был отвратительно пьян. Его когда-то белая рубашка, явно находящаяся на его теле значительно дольше положенного срока, была расстегнута. Облокотившись на барную стойку, он наклонился к девушке, стоявшей рядом с ним. Он прикасался к ней, а она пыталась его оттолкнуть. Безуспешно. «Не надо... Нет, не надо, отстань...»

Я встал со своего места, и пошел к стойке. Я подошел чуть ближе и секунду помедлил. Парень не обращал внимания ни на что, кроме своей жертвы, а она, в свою очередь, вовсе не глядела в мою сторону. Я развернул его к себе лицом и ударил. Ударил, как мне показалось, со всей силы. Он упал, затем с рыком обернулся, и я увидел, что сломал ему нос.

Он набросился на меня, и я сам свалился на пол. Мы обменялись серией чувствительных ударов, после чего он отполз, зажимая сломанный нос, а к нему подошла та, ради которой я все это сделал.

– Милый! Господи! Что он с тобой сделал? Пойдем, пой-

дем скорей домой, пойдём.

В моей голове пронеслась одна только мысль: эх...

Черт возьми, неужели ей это нравилось? Нравилось?!

– Только не говори мне, что тебя опять избили.

– Как ты догадался? – хмуро осведомился я у Димона.

– О, ну в этом уж я разбираюсь, – ухмыльнулся он, – тебе с этим надо, приятель, что-то делать. Ты слишком агрессивен.

Рассмеявшись, он отошел подальше, затем повернулся, прищурился, покачал головой, и сказал мне:

– Сегодня можешь уйти немного раньше.

– С чего бы это?

– Мне есть, чем заняться, ты иди, – повторил он.

– Я могу помочь тебе, – сказал я

– Нет, – Как-то странно отрезал Дмитрий, – Я справлюсь сам. Иди.

Он очень хотел, чтобы я ушел. Но, поколебавшись, передумал.

– Хорошо, идем.

За все то непродолжительное время, которое я его знал, я уяснил, что у Зимакова было всего два настроения – невозмутимого и жизнерадостного новатора, и смущенного, неуверенного школьника. Временами они с потрясающей скоростью и периодичностью сменяли друг друга, не давая новому человеку возможности догадаться, кто же находится перед ним.

– Обещай мне сейчас, что никому пока ничего не расскажешь, – произнес Димон.

– Обещаю.

Он подошел к своему столу, на котором стоял ноутбук, открыл его. Он простоял над ноутом недолго, затем быстрым шагом подошел к проектору, который я в мастерской в тот вечер впервые увидел, снял с него белую простынь и включил его.

– Презентация? – спросил я.

– Что-то типа того... – задумчиво ответил Димон, не отвлекаясь от своего дела.

Проектор заработал. На белом фоне было видно большое... устройство. ...

– И что это?

– Это разработка. Мы создаем не только сахар. Это – еще один проект, который необходимо воплотить в жизнь. Он не имеет названия, не до конца еще проработан.

– Вы. Ты так и не посвятил меня, для начала, в то, кто такие эти «вы», – напомнил я.

– Пара друзей, пара приятелей... Целая лаборатория.

– В двадцать семь лет ты не только производишь сахар, но и владеешь целой лабораторией по производству непонятных машин. Да кто ты такой, черт тебя возьми? – нахмурился я.

– Все в свое время, – ответил он, и больше не сказал ни слова.

«5»

Этот вечер не был у меня свободным. Я решил пойти в кино на новый фильм ужасов. Не люблю читать критиков, оценивающих успех фильма, поскольку это всего лишь их частное мнение. Все же, мне на глаза попала такая статья, являющаяся собранием разных мнений. В целом, 50\50 – фильм обещал быть одноразовым даже для ценителей жанра, но ничего лучше в кино сейчас не было.

В том городе, где я жил, кинотеатр, равно как и практически все заведения, находился в упадке – перед входом стояли переполненные мусором урны, в которых рылись бомжи. Здесь давно никто не убирал.

Сюжет был довольно простой. Классический, я бы сказал: парень создает монстра, монстр убивает парня, а затем люди убивают монстра. Прелестно.

– Хотите попкорн? Хот-доги, шаурма? – добродушно зывала полная женщина в буфете.

Первое ненавижу, второе никогда не пробовал. Третье – пицца богов. Ну, вы поняли мой выбор. Две.

Неожиданно мне припомнилась та классная пора, когда я еще пытался попасть на ужастик под видом взрослого. Ну, знаете, вам 15 лет, половина населения планеты держит вас за взрослого, вторая – за ребенка, и никогда не угадаешь, из какой половины окажутся кассир в кинотеатре и контролер на входе в зал. Подделывание голоса, костюм, морда кирпичом, «притворитесь, пожалуйста, моим отцом» где теперь

все это? Романтика кончилась. Я провел этот вечер неплохо, но, к сожалению, почти не уловил сюжета, поскольку крутил в своей голове все события сегодняшнего дня. Полтора часа моей жизни просто выпали из нее, словно их и не было. Я просто внезапно осознал, что картина закончилась, а те немногие, что были со мной в зале, рассосались столь стремительно, словно их не было тоже, и все это – глупый ночной кошмар.

Я шел по улице. Я не рассматривал людей. Пару раз случайно толкнул кого-то. Я нередко впадал в этот своего рода транс. Меня это не пугает. И тут я снова увидел ее...

Ммм...

«И тут я снова увидел ее...»

Девушка шла впереди меня на несколько метров. Нет, нет, я не могу ошибиться.

Я ускорил шаг и очень быстро оказался с ней рядом.

– Привет, человек, – сказала Алена Пажощце. Она сказала это невыразительно, прохладно, словно все на свете было ей безразлично. На ней были бордовая футболка и черные брюки. Выглядела нарядной, но могла легко затеряться в толпе. Самое интересное, что я отметил намного позже, – я почти никогда не видел на ней никаких особенных украшений, она всегда прекрасно смотрелась без них в своем мрачном готическом облике, и знала это. На ее руках лениво дремала кошка.

– Как собеседование? – спросил я.

Девушка поправила очки, затем сунула руку в карман и достала оттуда бейджик с надписью «Продавец-консультант Алена», а затем так же машинально убрала его назад.

– Ты же вроде не хотела...

– Поверь, если бы все в этом мире было только так, как я этого хотела... Рассказать тебе о природе вещей?

Мне стало интересно:

– Давай.

Алена вздохнула, повернула голову в сторону витрины с выразительно выведенной буквой «О», и, разминая шею, стала рассказывать:

– Короче, заходит мужчина средних лет в свою комнату, запирает дверь и включает свет. Складывает в стопку все свои бумаги, наводит порядок в комнате, гладит галстук и аккуратно вешает его на ширму. Стряхивает пыль с занавесок, затем достает заранее приготовленный пакет, вытаскивает оттуда веревку. Прочно цепляет ее к крючку на потолке, становится на стул, затягивает петлю. Ведь все достало, верно? Верно же? Но внезапно, на краю жизни, в последний момент в сознании что-то вспыхивает и неожиданно яркой молнией сверкает мысль о маме – он давно ей не звонил. Человек останавливается, – может, все не так уж и плохо, если эта спасительная мысль пусть на секунду, но задержала его у роковой черты? Может, стоит снять петлю, выпить кофе, покормить собаку... В конце концов, он всегда мечтал поехать в Америку. Сомнений больше нет, этот человек сво-

боден. Алена замолчала. Несколько секунд спустя я не выдержал и потребовал продолжения этого рассказа:

– А что же потом?

Она нервно улыбнулась и продолжила:

– Потом... а потом, когда он уже развязал узел, ножка стула предательски надламывается, человек падает, ударяется головой об угол стола и умирает. Ирония судьбы.

Мы говорили еще о чем-то, пока не вышли в маленький заброшенный сквер, в котором больше никого не было. Когда мы сели на скамью, я вновь посмотрел на ее кошку. Знаете, есть такие кошки, которые засыпают, едва находят точку опоры. Она спала всю дорогу.

– Она вообще жива? – спросил я.

– У нее летаргический сон... – улыбнулась девушка.

Она погладила кошку по брюху несколько раз:

– Булочка.

Кошка открыла глаза, потом снова лениво их закрыла.

Я хотел сказать что-то и неожиданно осекся. Алена сказала мне, вставая со скамьи:

– Увы, мне уже пора. Уже шесть часов, по моему плану впереди два с половиной часа неконтролируемых рыданий, я не могу позволить себе опоздать.

Я проводил эту девушку взглядом, не говоря ни слова, а затем поплелся домой, приготовил себе ужин. После еды мое настроение несколько улучшилось. Я открыл Instagram Алёны. Постов было много:

1. «Я так люблю ваши офигенные рассказы о неблагодарных женщинах, и так люблю ваше коронное: «Женщина всегда сама виновата в том, что её унижают. Сиди на кухне и молчи!» Это не даёт женщинам даже возможности защитить ребёнка. Хрен знает, что ответить мужику, который говорит это после того, как отмутузил своего ребенка на глазах у прохожих. Который бьет его за то, что он, блин, плачет. Это же офигенно поможет, если и без того плачущего человека бить, это точно его успокоит, 100%. "Родишь своего – поймешь, каково это!" Или вот еще: орать на своего 5-летнего ребенка за то, что он нечленораздельно говорит: "ты можешь внятно сказать?", "не позорь меня и закрой рот". Ох, действительно, кто же виноват в том, что он до сих пор не умеет нормально говорить? Ему в школу через год-два, нафига ему общаться со сверстниками?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.